Šest'neizdannyh pisem Borisa Pil'njaka o ego pervom prebyvanii na Dal'nem Vostoke (v Kitae i Japonii) v 1926 g.

Dany Savelli

Édition électronique

URL : <https://journals.openedition.org/monderusse/8441>

DOI : 10.4000/monderusse.8441

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 janvier 2001

Pagination : 139-158

ISBN : 2-7132-1388-6

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Dany Savelli, « Šest'neizdannyh pisem Borisa Pil'njaka o ego pervom prebyvanii na Dal'nem Vostoke (v Kitae i Japonii) v 1926 g. », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 42/1 | 2001, mis en ligne le 01 janvier 2007, consulté le 03 septembre 2022. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/8441> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/monderusse.8441>

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :

http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_421&ID_ARTICLE=CMR_421_0139

Sest´ neizdannyh pisem Borisa Pil´njaka o ego pervom prebyvanii na Dal´nem Vostoke (v Kitae i Japonii) v 1926 g

par Dany SAVELLI

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2001/1 - Vol 42

ISSN 1252-6576 | ISBN 2713213886 | pages 139 à 158

Pour citer cet article :

— SAVELLI D., Sest´ neizdannyh pisem Borisa Pil´njaka o ego pervom prebyvanii na Dal´nem Vostoke (v Kitae i Japonii) v 1926 g, *Cahiers du monde russe* 2001/1, Vol 42, p. 139-158.

Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.

© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.

La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

DANY SAVELLI

ШЕСТЬ НЕИЗДАННЫХ ПИСЕМ
БОРИСА ПИЛЬНЯКА
О ЕГО ПЕРВОМ ПРЕБЫВАНИИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
(в Китае и в Японии) в 1926 г.*

20 февраля 1926 г. председатель московского отделения Союза всероссийских писателей писатель Борис Пильняк (1894-1938) уезжал из Москвы на поезде в Японию, куда он был приглашен Японско-русским литературно-художественным обществом (Нитиро гэйдзюцу кё:кай). Это путешествие Пильняка, первого советского писателя на японской земле, вписывалось в рамки советско-японских культурных отношений, которые стали развиваться после дипломатического признания Японией Советского Союза в январе 1925 г.

Шесть ниже публикуемых писем, адресованных разным лицам, освещают по-новому историю длительной поездки писателя на Дальний Восток: двухнедельную остановку в Харбине в марте, которая открыла Пильняку Дальний Восток (письмо № 1), первые его впечатления о Японии (письмо № 2) и его литературную деятельность в этой стране (письма № 3 и № 4), затем возвращение в Советский Союз в сентябре 1926 г., когда разгорелся скандал, вызванный майской публикацией *Повести непогашенной луны*, что, по всей видимости, заставило Пильняка по-новому осмыслить те два с половиной месяца, которые он провел в Японии и три месяца, проведенные им в Китае (письмо № 5). Наконец, в письме № 6, хотя и написанном в апреле 1927 г., т. е. шесть месяцев спустя после возвращения Пильняка в Москву, мы находим свидетельства о тех отношениях, которые Пильняк не переставал поддерживать с Японией как через переписку, так и благодаря личному контакту, встречаясь в Москве с японцами.

* Статья написана в рамках стипендии на факультете русской литературы в Университете Васеда (Токио) при поддержке Японского Общества для Развития и Поддержки Наук (JSPS). Автор выражает благодарность Наталие Соколовой и Нобори Амико за помощь, оказанную в публикации писем.

Письма № 1 и № 2 публикуются по авторским копиям, переданным в 1997 г. дочкой Пильняка Наталией Соколовой в Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ, ф. 1692, оп. 1.¹). Письма № 3 и № 4, адресованные Нобори Сёму, хранятся в его семейном архиве в Камукура (Япония). Письмо № 5 публикуется по авторской копии, хранящейся в частном архиве Наталии Соколовой (машинописный вариант этого письма хранится также в РГАЛИ, ф. 1692 оп. 1, другая авторская копия письма находится в Институте Русской Литературы, ИРЛИ). Поскольку местонахождение оригинала письма № 6 в данный момент нам не известно, то мы печатаем его по факсимиле, помещенном в японском издании *Корня японского солнца* (Токио, 1927).

В письмах сохранены все орфографические особенности оригинала. По японскому обычаю, японские имена даются после фамилий.

*

Харбин был первым этапом путешествия Пильняка на Восток. При этом пребывание в Маньчжурии не вдохновило его на написание какого-либо рассказа или повести, лишь отдельные отзвуки харбинской жизни Пильняка мы находим в его очерке о Японии *Корни японского солнца*² и в *Китайской повести*³. Кроме письма от 13 марта 1926 г., адресованного известному сменовеховцу Николаю Устрялову (1890-1937), с которым Пильняк встретился в Харбине⁴, основные данные о времяпрепровождении писателя в Харбине мы почерпнули из статей, опубликованных в местных газетах и посвященных Пильняку.

Из газетных публикаций становится, в частности, известно, что 2 марта Пильняк, накануне приехавший в Харбин, посетил редакцию просоветской газеты *Эхо*⁵ и что 10 марта на собрании железнодорожников, после доклада Николая Устрялова о современной русской литературе (касавшемся в основном творчества Есенина и Пильняка), сам Пильняк должен был читать отрывки из своей новой книги *Машины и волки*⁶. Однако китайская

1. Поскольку данный фонд частично находится в обработке, указание единицы хранения и страниц публикуемых писем в данном и всех последующих случаях пока еще не представляется возможным.

2. Б. Пильняк, *Корни японского солнца*, Л., Прибой, 1927, 183 с. (в дальнейшем — *КЯС*).

3. Б. Пильняк, *Китайская повесть*, Л., Гос. изд., 1928, 96 с. (в дальнейшем — *КП*).

4. См. L. Fleishman, R. Hugues, O. Raevsky-Hugues, *Russian Berlin 1921-1923*, Paris, YMCA-Press, 1983, p. 202. Письмо сопровождается комментарием самого Устрялова.

5. *Эхо*, 3 марта 1926, с. 5.

6. *Новости жизни*, 10 марта 1926, с. 6.

полиция неожиданно запретила выступление; запрет, правда, вскоре оказался снят, но к этому времени уже все слушатели покинули зал⁷. 12 марта, в честь первой годовщины смерти Сун Ят-сена и девятой годовщины Октябрьской революции, Пильняк произнес речь перед представителями китайской и русской прессы, собравшимися в Маньчжурии в первый раз⁸. Из событий, происходивших во время пребывания в Харбине, Пильняк упоминает в *Корнях японского солнца* только случавшийся 10 марта инцидент. Кажется, этот инцидент оказался центральным в маньчжурском конфликте, разыгравшемся между представителями Советского Союза и Японии, так как *Руль*, берлинская газета русской эмиграции, о нем также сообщала⁹.

Мансю нитинити, рупор Южной Маньчжурской железной дороги (южная часть дороги была под контролем японского правительства) также сообщала об этом инциденте. В то время как в самой Японии пресса в дальнейшем будет поддерживать Пильняка, когда у него возникнут некоторые проблемы с местной полицией, газета эта, издававшаяся в Дайрене, с большим подозрением отнеслась к посещениям писателем, совместно с А. Н. Ивановым (директором КВЖД с 1925 г.) Южно-Маньчжурской и Китайской Восточной железных дорог¹⁰. В газете также сообщалось о якобы имевшихся в распоряжении Пильняка больших денежных средствах, в доказательство чему приводился тот факт, что в Харбине Пильняк снимал себе роскошный номер в «Гранд-Отеле»¹¹. Подобные же подозрения, каса-

7. Там же, 11 марта 1926, с. 4; *Эхо*, 11 марта 1926, с. 3.

8. Текст доклада Пильняка напечатан в газете *Эхо* (16 марта 1926, 3 с.).

9. *Руль*, 20 марта 1926, с. 3.

10. *Мансю нитинити*, 9 марта 1926, с. 2 и 16 марта 1926, с. 4. В интервью в *Эхо* Пильняк упоминает только о своем посещении западной линии, а не южной линии. См. *Эхо*, 10 марта 1926, с. 3.

11. Намеки об этом мы находим также в сатирическом стихотворении о Пильняке, появившемся в одной из харбинских белоэмигрантских газет (См. *Русское слово*, 11 март 1926, с. 4). Судя по статье, опубликованной в эмигрантской газете *Руль*, издававшейся в Берлине, разные слухи об огромных суммах, потраченных Пильняком в Маньчжурии и Японии, ходили и после его возвращения в СССР. (См. *Руль*, 23 февраля 1927, с. 3). В донесении японской полиции указывается, что Пильняк получил сумму, равную трем тысячам иен в банке Харбина. (См. Архив дипломатических и исторических документов Министерства иностранных дел Японии. Визовый и миграционный контроль... Раздел, касающийся русских граждан (Гайкокудзи ни таисуру рёкен сасё: нарабини сюцунюкоку.... Рококу-но бу), vol. VI, 3.9.4.109-2-2, № 71, 5 марта 1926). Мы знаем, что писатель совершил свое путешествие на гонорар, полученный от ГИЗа в счет будущего сборника рассказов под названием *Повесть непогашенной луны*, что составляло 3 450 рублей. См. письмо от 11 июня 1926 Г. И. Бройдо, В. М. Молотову и С. Е. Гусеву, в *Счастье литературы. Государство и писатели 1925–1938. Документы*, М., Росспен, 1997, сс. 28-29.

ющиеся пребывания писателя в Харбине, были высказаны и в одном из донесений японской полиции в Маньчжурии¹², в то время как ни одно из написанных в самой Японии донесений о Пильняке — по крайней мере из ныне доступных нам — не содержало никаких сведений о подозрительном поведении или сомнительной деятельности Пильняка¹³.

Конечно, разница в отношении японских властей в Маньчжурии и в самой Японии к Пильняку объясняется той напряженной ситуацией, которая сложилась в это время в Харбине в результате пересечения здесь двух железных дорог, что, в свою очередь, вызвало и столкновение интересов двух железнодорожных компаний. Напоминаем, что с января 1926 г. столкновения между представителями Советского Союза и людьми генерала Чжан-Цзо-Лина, через которого японцы поддерживали свое влияние в Трех северных провинциях (китайское название Маньчжурии) становились все чаще, что привело, в частности, и к временному аресту А. Н. Иванова.

Разумеется, Пильняк был от всего этого далек. Ему, конструировавшему до сих пор в своих произведениях «азиатский» образ России, Харбин, несмотря на то, что был русским космополитическим городом с самого дня своего основания (1898 г.), давал тем не менее и прежде всего возможность открыть для себя Азию. В ниже публикуемом письме Пильняк так и говорит своим московским друзьям о Харбине как об азиатском городе, упоминая китайский район, «сочный, колоритный Фудзянь», который для него — «сплошная экзотика» и который он хочет описать, умолчав при этом о том, что «гнилью остатков эмиграции загрязнен Харбин», напомнивший ему «Константинополь, где остались осколки врангелевской армии»¹⁴.

Адресаты первого письма Пильняка — его друзья, писатели, художники, актеры, то есть, по всей вероятности те люди, которые накануне его отъезда из Москвы собирались в его честь в литературном центре Москвы, в Доме Литераторов. По свидетельству японского журналиста Курода Отокити, присутствовавшего на вечере, около пятидесяти человек, и среди них Виктор Шкловский и Сергей Буданцев¹⁵, праздновали отъезд Пильняка в Японию.

12. Министерство внутренних дел (Наймусё:), Дело полиции об иностранцах (Гайдзикэйсацухо:), Т. 7, vol. 47, май 1926, сс. 206-207. (Донесения, представленные в журнале полиции для внутреннего пользования, были перепечатаны издательством Фуси в 1987 г.).

13. О донесениях японской полиции о Борисе Пильняке, хранящихся в Архиве Министерства иностранных дел Японии, см. D. Savelli, «Нихон ни окэру Борису Пириняку сёси» (Японская библиография Бориса Пильняка), *Хикаку бунгаку нэнси*, Т. XXXV, 1999, сс. 1-18.

14. Цитаты из интервью Пильняка в газете *Эхо* в 10 марта 1926.

15. Курода Отокити, «Хэруцен-но из. Пириняку-но собэцуэн» (Дом Герцена. Вечеринка в честь отъезда Пильняка), *Токио нитинити*, 28 марта

№ 1

Харбин
4 марта, 1926.

Всеволод¹, Федя², Глеб³, Эдмундыч⁴, актеры, писатели, други.

Прилагаемая при сем вырезка о том, что я тонущая крыса и вырезка о том (чего я, само собою, не говорил), что я поделываю днями, — никакого понятия о моем житии-бытии не даст, ибо — черт его знает, что такое — какая невероятность и перелесть — китайские обеды, где ели мы червей, маленьких драконят, яйца зеленые до прозрачности, такие, которые тухнут несколько лет в земле, прежде, чем их начинают есть, — черт его знает, какая перелесть — японские чайные домики, куда почтить нас водили водил корреспондент «Осаки-Майничи»⁵, где сидели мы на циновках, без башмак, а нас ублажали гейши (мне, в частности, как человеку «умственного труда» гейша делала массаж головы, весь череп измяла), и мы ели морские водоросли... что в китайский публичный дом ходили мы с Ольгой⁶ совместно, и нам там пели и играли на совершенно непонятных инструментах... что в кумирнях такие сидят боги, каких я не охочь даже во сне видеть. Черт его знает, как неудобно русскому человеку ездить на рикшах. Голова моя обалдела, сижу с утра, за окном солнышко, в номере настроение — вроде того, Всеволод, что было у нас в Лондонской в Одесс⁷. Ольга убежала в лавченку (меня вы теперь не узнаете: шляпа а-ля черт, — штаны, — башмаки, — пальто...).

Неприятность у меня только одна (Федя, сообщи об этом в Правление Союза)... Фу, черт, бывает же такое идиотство: есть у нас такой писатель, член Правления Союза, хороший человек, живет он вместе с Кирилловым⁸, написал книгу «Колчаковщина»⁹ так вот, вывалилась из моей памяти его фамилия, хоть мри, — а в ней весь гвоздь. На границе у меня отобрали книги, китайцы¹⁰. Комбинация такая.

(1) Всеволод Вячеславович Иванов (1895-1963) — писатель. В *Корнях японского солнца* Пильняк прозрачно намекает, что Всеволод Иванов должен был ехать с ним в Японию (КЯС, с. 88). Намек этот был снят во втором издании очерка (см. Б. Пильняк, *Сборник сочинений*, М., Гос. изд., 1930, Т. VII, с. 88). Если верить Курода Отокити, Иванов отказался от поездки в последний

1926, с. 4. Японский журналист ошибочно называет в своей статье Дом Литераторов, находившийся на улице Герцена (Большая Никитская) домом Герцена, который находится в переулке Сивцев Вражек. Отъезд Пильняка праздновали в ресторане ЦДЛ.

момент. Японский журналист, оказавший приятелем обоих писателей, объясняет, что в японском посольстве он случайно узнал о решении Иванова, всего лишь за два-три дня до предполагаемого отъезда из Москвы, и был этим удивлен, поскольку он сам лично хлопотал о получении для него визы. Курода добавляет, что Иванову первому пришла мысль посетить Японию, и что он давно уже к этому готовился. (См. Курода О., «Хэруцен-но из...», указ. соч., и Курода О., *Собието Содзо (Советский образ)*, Токио, Мэйрин-каку, 1948, с. 57).

То, что решение Иванова отказаться от поездки было принято в последний момент, подтверждается письмом от 1 марта 1926 г., написанном Евгением Спальвином полпреду Советского Союза в Японии Виктору Коппу. Это письмо подтверждает, что когда Пильняк уже подъезжал к Харбину, Спальвин, представитель Всероссийского общества культурных связей в Японии, все еще не знал, что Иванов не уехал вместе с Пильняком. (Государственный архив Российской Федерации — ГАРФ, ф. 5283, оп. 4, ед. хр. 16, л. 4). То, что решение отказаться от поездки было принято самим Всеволодом Ивановым, а не высшими инстанциями, подтверждается и письмом Иванова Максиму Горькому от 7 октября 1925, в котором Иванов выражает свое нежелание путешествовать вместе с Пильняком: «А мне очень хочется поехать в Японию и уехал бы, но по секрету скажу вам, — увязывается со мной Пильняк. Отказаться с ним ехать — как-то неловко, а — с Пильняком в Японию какое же удовольствие? Вот и не знаю, что делать». (См. В. Иванов, *Переписка с А. М. Горьким*, сост. Т. В. Иванова и К. Г. Паустовский, М., Сов. писатель, 1969, сс. 31-32).

Видимо, в феврале 1926 г., Всеволод Иванов еще не показал Пильняку своего истинного отношения к нему, поскольку до сих пор считался его другом. На вечеринке 19 февраля, по свидетельству Курода, Иванов объяснил свой отказ тем, что работает над новой книгой. Пильняк повторил это объяснение в интервью японским журналистам и интеллигенции, которая ожидала его вместе с Всеволодом Ивановым. (См. *Осака Асахи*, 17 март 1926, с. 2; *Нитиро гайдзюсу*, 9, май 1926, с. 27).

(2) Федя — прозвище Давида Кирилловича Богомилевского, редактора. Пильняк его упоминает в рассказе «Расплеснутое время» (*Новая Россия*, 3, 1926). Писатель Петр Жаткин упоминает его в своем воспоминании об Иванове (хотя и путает несколько написание его фамилии): «другом [дома Всеволода Иванова — D. S.] и его гостей являлся еще «Федя». Это была партийная кличка старого большевика Давида Кирилловича Бугомилевского — работника Института Маркса-Ленина» (См. П. Жаткин, «Плюсквамперфектум», в Т. В. Иванова, сост., *Всеволод Иванов, Писатель и человек. Воспоминания современников*, М., Сов. Писатель, 1970, с. 95).

(3) Глеб — писатель Глеб Васильевич Алексеев (1892-1938). Из статьи Курода остается неясным, присутствовал ли он на вечере 19 февраля 1926 г., устроенном в честь Пильняка. (См. Курода О., «Хэруцен-но из...», указ. соч.)

(4) Эдмундыч — не установленное лицо. В РГАЛИ сохранилось письмо Пильняка от 21 июня 1921 г., адресованное Феде и Николаю Эдмундовичу. (РГАЛИ, ф. 1692, оп. 1). Можно предположить, что Николай Эдмундович и есть Эдмундыч, о котором здесь идет речь.

(5) *Осаки-Майниччи*, правильное *Осака Майнити* — японская газета, созданная в 1876 г. в Осаке и издававшаяся впоследствии также под названием *Токио Нитинити* в Токио. Уже с 1924 г. тираж газеты превышал миллион

экземпляров, и до сегодняшнего дня эта газета, наряду с *Асахи* и *Ёмиури*, осталась одной из самых популярных и влиятельных газет в Японии. 14 марта 1926 г., то есть за два дня до приезда писателя в Японию, статья Пильняка под названием «Россия бунгакукай» (Русский литературный мир) появилась в газете *Токио Нитинити*.

(6) Ольга Сергеевна Щербиновская — актриса. Родившаяся в 1891 г., она поступила в Московский Малый Театр в 1909 г., где играла первостепенные роли. В 1923 году она познакомилась с Борисом Пильняком, с которым с 1924 года они начинают жить совместно. Пильняк развелся со своей первой женой в 1925 г., можно сказать, что О. С. Щербиновская была его второй женой, хотя брак не был зарегистрирован (информация дана внучкой писателя, Кирой Андроникашвили-Пильняк). Поэтому она и наверно была приглашена в Японию Японско-русским литературно-художественным обществом (см. (24)) вместе с Пильняком, но не как его жена, а как актриса. Приехав в Токио, она заявила японским журналистам о своем намерении изучать японские танцы и театр. (См. *Осака Майнити*, 17 март 1926, с. 2). Хотя О. С. Щербиновская разошлась с Пильняком в начале 1933 г., ей пришлось провести несколько лет в сталинских лагерях в связи с арестом писателя в 1937 г. Лагерь положил конец ее карьере актрисы. О. С. Щербиновская умерла в Москве в начале 80-х годов.

(7) Весной 1924 Пильняк со Всеволодом Ивановым ездил в Одессу. Об этой поездке он пишет в «Ледоходе» (*Русский современник*, 3, 1924, затем в книге *Мать-сыра земля* (1926) и в *Сборнике сочинений*, Т. III (1929)). В этой повести Пильняк упоминает Лондонскую гостиницу, где он проводил вечер с «другом, собродягой и сописателем Всеволодом Ивановым».

(8) Владимир Тимофеевич Кириллов (1890-1937) — поэт.

(9) *Колчаковщина* — роман Павла Николаевича Дорохова (1886-1942). Роман, полностью опубликованный впервые в 1924 г. в Екатеринбурге (изд. Уралкина), пользовался большим успехом. Возможно, что Дорохов просил Пильняка устроить ему перевод его книги на японский язык.

(10) В харбинской газете *Новости жизни* Пильняк уточняет, что у него на китайской таможне были отобраны две книжки его собрания сочинений, изданные в том же году (*Новости жизни*, 4 марта 1926, с. 5). В *Корнях японского солнца* он описывает этот случай на таможне таким образом: «На китайской границе у меня отобрали все книги чжан-дзо-линовские ину [полицейские — D. S.], взяли даже Флобера, «Саламбо», издание 1897 года: большевистская зараза» (*КЯС*, с. 84).

*

Проехав до Мукдена по Южно-Маньчжурской железной дороге, Пильняк далее пересек почти всю Корею до города Пусана. Оттуда он доплыл до японских берегов, оказавшись в Японии 16 марта.

Публикуемое ниже письмо — первое, по словам писателя, написанное в Японии — адресовано его родителям, Андрею Ивановичу Вогау (1867-1944) и Ольге Ивановне Вогау (урожд. Савиновой — 1870-1940), жившим, как и сестра Пильняка, в Саратове.

№ 2

Токио, в апр. 926

(Адрес по японски звучит так: Роппонги, Хироко-чо, Рокубан-чо, — но надо писать Русское Посольство, мне, конечно, по английски).

Милые, мои, родные, —

выехал я двадцатого февраля, ехал сюда целый месяц, застрявая по мелочишкам в Харбине и — на несколько часов, чтобы посмотреть старину и гробницы китайских императоров — в Мукдене¹¹. Проехал Корею, эту очаровательную голубую страну гор, моря и людей в белых платьях¹². Теперь в Японии, в Токио, — в стране не менее очаровательной и таинственной, и в такой, где все наоборот, где все чудесно и таинственно. Приехал сюда, на вокзале встречало меня человек триста¹³, а то и больше, все газеты изобразили меня, проинтервьюшили до дна¹⁴, — и ясно, завертелся я так, что мозгов собрать никак не могу, — тем не менее пишу в «Осака-осачи»¹⁵ еженедельно по фельетону по двести рублей за штуку, за что, стало-быть, получаю по девятьсот в месяц, тратя шесть часов времени в этот же месяц¹⁶...

Но все это призражки, — ибо письмо я начал двадцатым, потому-что мне стыдно за столь долгое молчание (хотя по правде сказать, сознание, что письмо к вам будет итти месяц, очень обезоруживает охоту писать, — сознанием того, что ответного письма, быть-может, и не дождешься). И все же — это первое письмо, которое я пишу отсюда в Россию. Простите, что немного: так много впечатлений, так много чудесного и непонятного, необыкновенного, что не знаешь с чего начать. Например, сегодня ночью было землетрясение, — закачалась земля, задрожал, закачался дом, поползла кровать. Сейчас у меня, пока я пишу, сидит японский профессор¹⁷ и толкует о театре, — потому-что вчера с двух дня до десяти вечера мы сидели в театре¹⁸, в японском конечно, где спектакль идет с утра до вечера, а зрители там и пьют, и едят, приходя с детьми, а все роли играют только мужчины, при чем я ходил за кулисы знакомиться с актерами и установил, что главную роль женщины играл мужчина семидесяти лет и играл так, что я никак бы не поверил, что это мужчина¹⁹. Например, я отлично уже ем палочками и однажды слышал фразу любезности, на одном японском обеде, где один спросил другого, не хочет ли он сушеной каракатицы, на что получил ответ о том, что тот предпочитает морскую мышь... Аах, примеров я

могу привести тысячи таких невероятностей, какие во сне не снятся вам, точно я в другом мире. Да так и есть, в другом мире, фантастическом и невероятном...

А сейчас, кончив вам эту писульку, пойду на могилу сорока семи самураев²⁰, — сорока семи самураев, которое когда то коллективно сделали себе хакири...

А вы напишите мне, все таки, о том, о сем, — ведь не смотря ни на что, мне здесь очень одиноко и даже растерянно-одиноко. Целую вас моих милых, дорогих, дорогих, родных, любимых, — всего, всего хорошего вам, — и не забывайте меня, вашего бродягу...

(11) Мукден (современное название — Шэньян) — столица маньчжурского государства с 1625 г. до 1644 г. В Мукдене находятся два главных мавзолея маньчжурских императоров: Бэйлинг, или северный мавзолей, построенный в 1643 г., и, Донглинг, построенный в восьми километрах на востоке от города в 1831 г.

(12) Пильняк, вероятно, уезжал из Харбина 13 марта вечером. Из Мукдена он отправляется в Корею и 15 марта оказывается на юге страны, в городе Пусане. Оттуда он отправился в Японию. Помимо нескольких строк в *Корнях японского солнца* (с. 84-85), свои впечатления о Корее Пильняк сформулировал в коротком интервью, данном газете *Осака Асахи*: «Мои впечатления о Корее сводятся к тому, что все мне показалось очень женским. Может быть, это объясняется особенностью корейского пейзажа, как и белым цветом одежды». (*Осака Асахи*, 17 марта 1926, с. 2).

(13) Пильняк приехал в японский порт Симоносэки рано утром 16 марта, и в тот же день поздно вечером он отправился на поезде в Токио. Поезд прибывал на следующий день в полдень. В статье *Осака Асахи* от 18 марта упоминается удивление Пильняка и Щербиновской, увидевших на перроне много полицейских среди толпы из приблизительно двухсот человек. Полпред СССР, Виктор Копп, второй секретарь посольства Лев Вольф и представитель агентства ТАСС Семён Слепак встречали писателя и его жену. Среди японских лиц, присутствовали многие журналисты и представители интеллигенции.

(14) Интервью на вокзале в Токио оказалось невозможным, поскольку произносить речи было вообще запрещено полицией. Только слависту Осэ Кейси разрешили поприветствовать путешественников (см. *Дзидзи Симпо*; 21 март 1926, с. 4). Но еще в Симоносэки, и затем на поезде следовавшем в Токио, несколько журналистов все же пришли задать вопросы Пильняку. Наконец, днем 18 марта в советском посольстве Пильняк дал интервью *Асахи*. (См. *Осака Асахи*, 19 марта 1926, с. 2).

(15) *Осака-осачи*, правильное *Осака Асахи* — японская газета, созданная в 1879 г. В 1926 г. ее тираж, вместе с тиражом ее токийского издания *Токио Асахи*, составлял более миллиона двухсот экземпляров. К сожалению, в настоящее время документы, касающиеся Пильняка, в архиве газеты *Асахи* отсутствуют, что отчасти связано с переездом редакции газеты в новое здание в 1980 г. Однако известно, что некоторые крупные японские газеты

старались подписать эксклюзивный контракт с Пильняком, чтобы напечатать его впечатления о Японии. (См. Канамори К., «Коморо-но Пиринияку си» (Господин Пильняк в Коморо), *Кё:до*, 6, 1926, сс. 7-9). Так, в *Токио нитинити* от 17 марта 1926 г. Пильняк объявляет о своем намерении публиковать свои впечатления в этой газете, и в тот же день *Осака Асахи* сообщает о том, что русский писатель предоставил именно ей право печатать свои статьи. В итоге *Асахи* победила, опубликовав с 27 марта по 1 мая серию статей под названием «Впечатления о новой Японии», которая затем с некоторыми изменениями была включена в книгу *Корни японского солнца*.

(16) О гонорарах, полученных Пильняком за серию статей «Впечатления о новой Японии», опубликованную в *Асахи*, мы имеем дополнительную информацию в письме Евгения Спальвина Ольге Каменевой от 15 апреля 1927 г. Спальвин пишет директрисе ВОКС'а: «Пильняк получал за пять статей на темы по его собственному выбору — 1.000 иен, причем каждая статья имела объем в 2 страницы большого почтового кварта, исписанных на пишущей машинке без пропуска строк. Всего *Асахи* взяла у него семь статей, еженедельный же журнал *Асахи* — одну статью, и того восемь статей за 1.550 иен (в еженедельном издании — на 50 иен дешевле) на протяжении одного месяца. [...] расходы по переводу статей Пильняка на японский язык брали на себя подлежащие редакции». (ГАРФ, ф. 5283, оп. 4, ед. хр. 23, лл. 2-3). Если вспомнить, что в письме от 13 июля 1927 г. Спальвин объясняет Каменевой, что сумма из 150 иен, полученная музыкантом Эрденко, как и сумма из 130 иен, полученная искусствоведами Николаем Пуниным и Давидом Аркиным, за их статьи достаточно значительна, то можно понять, что Пильняк очень неплохо заработал (ГАРФ, ф. 5283, оп. 4, ед. хр. 26, л. 58).

(17) Фрагмент *Корней японского солнца* позволяет с уверенностью идентифицировать профессора, здесь упомянутого. В самом деле, в своем очерке о Японии Пильняк сообщает, как однажды днем японский славист Нобори Сёму приехал за ним, чтобы вместе поехать на могилу сорока семи самураев (*КЯС*, с. 30). В статье, посвященной Пильняку в майском номере журнала *Дзёсэй*, Нобори уточняет, что во время посещения Пильняка он долго с ним беседовал о японской культуре и литературе. (Нобори С., «Пиринияку си-но инсё» (Впечатления о Пильняке), *Дзёсэй*, 28, май 1926, с. 135). Видимо, в письме речь также идет об упомянутой в этом очерке встрече.

(18) *Асахи* дает отчет о пребывании Пильняка и Щербиновской в театре Кабуки-за в Токио 1 апреля 1926. (См. *Токио Асахи*, 2 апр. 1926, с. 6, и *Осака Асахи*, 2 апр. 1926, с. 5). Таким образом, нам известно, что Пильняк и его жена посетили театр вместе с Евгением Спальвином (см. 43), с американским еврейскоязычным писателем Перецем Гиршбейн (1880-1949) и его женой, поэтессой Эстерой Шумяцер Гиршбейн, с японскими драматургами Осанай Каору (1881-1928) и Акита Удзяку (1883-1962). Последний в своем дневнике уточняет, что в программе стояли: «Школа деревни» («Теракоя»), т.е. картина четвертого акта исторической пьесы «Секрет каллиграфии Сугавара», написанной для театра кукол в 1746 г. и «Маки-но ката», пьеса крупнейшего драматурга Цубоути Сё:ё: (1859-1935). Во время антракта Акита познакомил Пильняка с Цубоути. (Акита У., *Никки (Дневник)*, Токио, Мирайся, 1965, Т. I, сс. 414-415).

(19) В *Корнях японского солнца* Пильняк упоминает о своей встрече с актерами кабуки за кулисами. О Утаэмон Накамура он пишет, что тот — «знаменитейший артист, играющий женщин, восьмидесятилетний старик» и

уточняет, что он является «тринадцатым в роде артистической династии Утаэмон» (*КЯС*, с. 72). С некоторой долей вероятности можно утверждать, что речь здесь идет о том же актере, который упомянут в письме, но узнать, о ком Пильняк действительно пишет, нам не удалось. Дело в том, что Утаэмону Накамура, действительно признанному одним из лучших *оннагата* (актер, специализирующийся на женских ролях) своей эпохи, в 1926 г. было только 61 год; кроме того, он является пятым в роде династии Утаэмон, а не тринадцатым; можно предположить, что либо Пильняк плохо понял имя актера, либо сопровождавшие Пильняка сами путались в имени. В самом деле, актеры кабуки меняют имя несколько раз в течение своей жизни. Сам Акита, писавший об этом спектакле, допускал ошибки в именах актеров. Кроме того, нельзя забывать, что каждый иероглиф имеет обычно несколько вариантов произношения и что не всегда удается правильно читать имена.

(20) Могила сорока семи ронинов (вассалов без господина) находится в храме Сенгакудзи в Токио. До сих пор здесь чтут самураев, приговоренных 4 февраля 1703 совершить сэппуку (ритуальное вспарывание живота) на могиле своего господина после того, как они, совершая акт возмездия, убили обидчика господина. До сих пор эта история пользуется в Японии большой популярностью, став основой сюжета многих пьес и романов.

*

Два публикуемых ниже письма, написанных Пильняком во время его пребывания в Японии, имеют деловой характер. Оба они адресованы Нобори Сёму (1878-1958), автору ряда научных работ о русской литературе и переводчику с русского языка, которого, наряду с писателем и переводчиком Фуатабатэй Симэй (1864-1909) можно считать первыми, кто содействовал значительному влиянию русской литературы на литературу и политическую и общественную мысль Японии¹⁶. В 1923 г. японский славист уже обратил внимание на молодого автора только что вышедшего *Голого года*¹⁷. Разумеется, во время пребывания Пильняка в Японии весной 1926 г., Нобори и Пильняк встречались не раз и даже ездили отдыхать, вместе со студентом-руссистом Исида Кёдзи в Икахо, курорт расположенный в ста пятидесяти километрах от Токио¹⁸. В Японии Пильняк сочинял также и

16. О Нобори Сёму (наст. имя Наотака) см. P. Berton, P. F. Langer, «Nobori Shomu: a pioneer in Russo-Japanese cultural relations», in P. Berton, P. F. Langer, G. O. Totten, eds, *The Russian impact on Japan : Literature and social thought*, Los Angeles, Univ. of Southern California Press, 1981, pp. 13-19.

17. Нобори С., *Рококу гэндай—но ситёро ёби бунгаку (Основные течения русской современной мысли и литературы)*, Токио, Кайзосё, 1923, сс. 746-747 (2е изд.).

18. См. намеки об этом путешествии в *КЯС*, с. 40. Донесение полиции от 12 апреля 1926 г. показывает, что эта поездка произошла с 8 по 11 апреля 1926 г. См. Архив Министерства иностранных дел Японии, Разные материалы, касающиеся иностранных лиц под надзором. Раздел, касающийся

предисловие к книге Нобори о пролетарской литературе, которая появилась в том же году¹⁹.

№ 3

Дорогой и глубокоуважаемый Нобори-сан, —

мы виделись с Вами вчера, а сегодня в догонку Вам я посылаю это письмо. Несколько раз меня спрашивали здесь, не собираюсь ли я читать лекции. Я все время отнекивался, потому-что мне казалось очень трудным готовиться к лекции.

Вчера же, особенно после того, как я прочел статью²¹, которую Вы переводите, Ионекава-сан²², ко мне пришла мысль, что было бы совсем не плохо, если бы мы с Вами организовали лекцию²³. На этой лекции я прочел бы эту самую статью, с небольшими дополнениями, которые пришли мне на ум после написания ее, а Вы бы прочитали ее перевод. Затем мы отвечали бы на те записки, которые подали бы слушатели по вопросам, им неясным. Эту лекцию можно было бы организовать, пользуясь или ЯРЛХО²⁴, или редакцией Кайзо²⁵. Гонорар, который мы получили бы за эту лекцию, мы поделили бы пополам. Я думаю, что со стороны полиции препятствий к лекции не встретится, — и мы бы направили в полицию тезисы, или самую статью²⁶.

Как Вы относитесь к моей мысли? —

Напишите мне об этом.

Всего хорошего Вам.

Жму Вашу руку. Жена шлет
Вам низкий привет.

Токио, 9 мая 1926.

Ваш Бор. Пильняк.

(21) Видимо, речь идет о статье, появившейся без имени переводчика в июньском номере журнала *Кайдзо*: под заглавием «Гэндай собизто бунгаку то соно токусицу» (Современная советская литература и ее основные черты), затем напечатанной в книге Нобори Сёму, *Какумэй-но Росия бунгаку* (Русская

русских граждан (Ё:сисацу гайкокудзин-но кё:до: канкэй дзассан. Рококу-но бу), 431/2/6, vol. 16, № 6312.

19. Б. Пильняк, «Порэтария бунгаку ни цуйтэ. Нобори си-но синтё: ни дзёдзу» (О пролетарской литературе. Предисловие к книге Нобори Сёму), Нобори С., *Мусанкайкю: бунгаку-но рирон то дзиссо: (Теория и аспекты пролетарской литературы)*, Токио, Синтё:ся, 1926, сс. 1-4. Оригинал текста на русском языке найти не удалось.

литература после революции) (Токио, Кайдзо:ся, 1928, сс. 80-102). Оригинальная версия этого текста на русском языке нам не известна.

(22) Ёнэкава Масао (1891-1965) — японский славист. Переводчик ряда сочинений Пильняка: в 1925 г. *Над оврагом*; в 1928 г., *Speranza, Повесть непогашенной луны, Заволочье* и отрывок романа *Волга впадает в Каспийское море*; в 1929 г. — *Старый сыр*; в 1932 г. — *Город ветров* и, наконец, в 1935 г. — *Товарищи по промыслу* и *Христианское рождество*. В 1926 г. для газеты *Хо:ти* он взял у Пильняка большое интервью (*Хо:ти*, 7, 8, 9, 11, 12 апр. 1926). Между Пильняком и Масао возникли дружеские отношения, так что когда Ёнэкава посетил Москву в 1927 г. на десятую годовщину октябрьской революции, Пильняк отправил с ним в Японию своего племянника со стороны жены, оказавшегося круглым сиротой. Пятилетний мальчик, Анатолий Шапошников, жил несколько лет в семье Ёнэкава. В 1932 г., благодаря присутствию Толи в Японии, Ёнэкава смог послать вызов и Пильняку. Второе путешествие Пильняка по Японии длилось полтора месяца (с 6 мая по 18 июня 1932 г.), и, вернувшись в Советский Союз, писатель на этот раз привез с собой сестру слависта, Ёнэкава Фумико (1894-1995). В течение шести месяцев она жила у Пильняка в Москве и, будучи исполнительницей *кото* (японского струнного инструмента), давала концерты народной японской музыки (в Москве и в Ленинграде).

(23) В своих воспоминаниях, Ёнэкава упоминает лекции (?) (японский язык не позволяет отличить единственное от множественного числа), прочитанные Пильняком в 1926 г. с Ёнэкава в качестве переводчика. (Ёнэкава М., *Дон. Кон. Сай (Ограниченность. Терпение. Талант)*, Токио, Кавайдэ Сё:бо: Синся, 1962, с. 102). Но, поскольку воспоминания Ёнэкава содержат немало неточностей, не исключено, что японский славист спутал 1926 г. с 1932 г., когда действительно (и пресса об этом сообщала) Пильняк читал несколько лекций в Токио при содействии Ёнэкава.

(24) ЯРЛХО — аббревиатура Японско-русского литературно-художественного общества (Нитиро гэйдзюцу кёкай), созданного в 1925 г., председателем которого являлся Акита Удзюку. Это общество, вместе с Всероссийским обществом культурных связей, заложило основы советских культурных связей в Японии, и благодаря нему Пильняк получил свой вызов в Японию. В этом обществе Пильняк познакомился с Нобори, с Ёнэкава и с большинством японцев, с которыми он проводил впоследствии время в Японии. Журнал общества под названием *Нитирогэйдзюцу (Японско-русское общество)* посвятил свой майский номер 1926 г. Пильняку.

(25) *Кайзо* (правильнее *Кайдзо: (Перестройка)*) — главный литературный журнал социалистического направления, издававшийся с 1919 до 1955 г.; он подвергался строгой цензуре и даже был запрещен с 1944 до 1945 г. Несколько текстов Пильняка появилось в *Кайдзо:* : кроме уже упомянутой статьи «Современная советская литература и ее основные черты» (см. 21), в 1926 г. была опубликована также повесть *Большое сердце* (см. 27), и в 1929 г. — отрывок из романа *Волга впадает в Каспийское море*, в 1932 г. — *Город ветров* и отрывки *О'кэй, американский роман*.

(26) Советским гражданам, путешествовавшим по Японии и даже проживавшим в этой стране, приходилось терпеть очень строгий и порой весьма надоедливый полицейский надзор. Борис Пильняк особенно страдал от этого, тем не менее он все же мог давать интервью и печататься в Японии. Видимо, если бы он очень захотел, то ему бы разрешили прочесть и лекцию, как ему

разрешили читать лекции в 1932 г., несмотря на то, что японское правительство уже превращалось в то время в диктатуру.

*

Второе письмо Нобори — без даты, но на конверте почтовый штемпель с датой 14 мая 1926 г. В отличие от других публикуемых здесь писем, это письмо — рукописное. К письму был приложен также короткий рукописный текст на японском языке, по всей вероятности, черновик для публикации. Имя переводчика — Пильняк не знал японского языка — нам не известно. Обратный адрес на обороте письма указывает, что отправителем был журнал *Кайдзо*: в Гинза (Токио).

№ 4

Дорогой и глубокоуважаемый Нобори-сан!

Шлю Вам грамотку, которую Вы просили. И у меня к вам просьба, — пришлите мне конверт с Вашим адресом: это к тому, чтобы я мог предупредить Вас, когда я смогу прислать Вам мой рассказ для *Кайзо*²⁷. — Я лично рассчитываю его закончить и переписать к среде 19 мая²⁸.

Всего хорошего Вам
Ваш Пильняк.

Перевод с японского языка:

Я приехал в Японию, чтобы исследовать японское искусство, особенно японскую литературу²⁹. Но я понял, что мне просто невозможно это сделать, потому что японская литература — в основном искусство словесное, письменное, а в Японии моего образования недостаточно, чтобы изучать литературу. Не из книг, но только через разговоры с японскими писателями и литературоведами я узнаю о литературе Японии. Но это невероятно сложно и это не прямой путь. Тем не менее, я узнал что-то основное. Я сейчас знаю, что путь, по которому идет японская литература есть тот же путь, по которому идет мировая литература. Более того, я думаю, что день, когда японская литература станет участвовать яркой срипкой в концерте мировой литературы, — этот день приближается.

Май 1926 Токио
Борис Пильняк

(27) Речь идет о рассказе, появившемся под названием «Мо:ко-но тайё» (Солнце Монголии) в августовском номере журнала *Кайдзо*: в 1926 г. (имя переводчика не указано; текст в нескольких местах вырезан цензурой). На самом деле, это перевод рассказа «Большое сердце», написанного и сразу же

опубликованного в Японии. Отрывки рассказа появились только позже в газете Владивостока *Красное Знамя* (1 и 2 сент. 1926), и в 1927 г. рассказ полностью вышел в журнале *Звезда* (№ 3) и в сборнике *Расплеснутое время* (М.-Л., Госиздат), а также в виде книги («Универсальная библиотека», № 514, М.-Л., Госиздат). Дата, указанная в конце текста, варьируется в зависимости от издания. В журнале *Кайдзо*, указано 18 мая 1926 г.

(28) 19 мая Пильняк с Щербиновской отправился на курорт Атами на юге Токио, совместно с Леонидом П. Серебряковым. (Агенство полиции Министерства внутренних дел Японии, Донесения полиции, касающиеся иностранных лиц (Гайдзикэйсацхо:), Т. 7, № 47, май 1926, с. 206. Репринт Фудзи, 1987). В *Корнях японского солнца*, автор глухо упоминает об этом путешествии. (КЯС, с. 112). О Леониде П. Серебрякове (1888-1937), заместителе министра транспорта (замнаркомпутъ), тогда официально посетившем Японию, см. V. Serge, *Mémoires d'un révolutionnaire*, Paris, Seuil, 1951, p. 207.

(29) По приезде в Японию Пильняк заявил: «Я желаю провести год в Японии, чтобы исследовать искусство и литературу, и мне особенно хочется описать мои впечатления о Японии». (*Осака Асахи*, 17 март 1926, с. 2). Реально он оставался в Японии лишь два с половиной месяца. Газете *Ёмиури* он дал понять, что причина его ускоренного отъезда — полицейский надзор (*Ёмиури*, 26 мая 1926, с. 4). Кроме очерка *Корни японского солнца*, лишь одна статья Пильняка, написанная совместно с японоведом Романом Кимом, свидетельствует об этой попытке изучения японской литературы. (См. Р. Ким, Бор. Пильняк, «Японская литература», *Печать и революция*, 6, 1928, сс. 180-182).

*

В начале июня Борис Пильняк уезжает из Японии, едет снова через Корею, оказывается затем в Пекине, а затем едет в Шанхай. Он проживет более трех месяцев в Китае. В публикуемом ниже письме Пильняк описывает свое путешествие по Дальнему Востоку, а также скандал, разразившийся во время его отсутствия в Москве из-за публикации в мае *Повести непогашенной луны*.

В письме отсутствует дата, но его можно датировать 17 сентября 1926 г., поскольку Пильняк указывает, что он вернулся в Москву неделю назад. В РГАЛИ, в частности, хранятся и другие письма от 17 сентября, в которых Пильняк аналогичным образом сообщает, что вернулся неделю назад из Китая.

№ 5

Москва
Ул. Воровского 26. 8

Роза Абрамовна³⁰, Ян Антонович³¹, — дорогие, очень хорошие, —

— Аууу!!

Правда — ау! где Вы, как, что у Вас хорошего?!

В феврале месяце я поехал за границу, в Японию (в Японии я поминал Ваши, Роза Абрамовна, рассказы об этой стране³², — помните?), был там и в Китае, в Китае пропадал от жары, потерял нервы и равновесие и сбежал оттуда, отравленный «маманди»³³ (такая необъяснимая китайская болезнь). И в Японии и в Китае устраивал общества культурных связей³⁴, связывался, связывал и учился, ибо у этих народов очень многому можно поучиться, — хотя бы тому, что все в этом мире относительно, ибо Китай и Япония (эта в особенности) живут — наоборот. Вернулся я неделю тому назад, за окнами мелкий дождичек, а в комнате пахнет виноградом, привезенным братом из Крыма³⁵, — и, я знаю, что лучшей страны, лучшей России, — нет, не может быть, хотя Россия и похожа — катастрофически! — на Китай (или Китай катастрофически похож на Россию, на Россию моей заволжской бабушки из старообрядцев)³⁶, хотя Россия и есть (это я узнал на Востоке) — «от’езжее поле».

Не везет мне на этом свете, такой я болда! — я все хочу как лучше, а опять попал в опалу, проштрафился, да так проштрафился, как и во сне мне не снилось. Очень мне досадно и обидно, особенно после Китая, где так остро почуял, что... Вы, должно быть, знаете, о чем я говорю, дошли до Вас вести?!³⁷

... И все попрежнему я знаю, как велик и величественен мир, как много в нем путей и перепутей, — как он, этот мир, выплескивается сейчас из-за заборов национальных культур — знанием, пушками, рублями, — и как надо быть счастливым от того, что ты живешь в эти годы всяческих росплесков и что ты сын народа, того народа, который первым пошел в эти росплески. Очень хорошо!... И очень хорошо, что вот за английской папирской (кэпстэн!), в раздумьи вдруг тянется рука к машинке, чтобы написать несколько никому ненужных слов — людям, которым дорого напомнить о себе.

Вот и все.

Напишите мне. Обо всем, как живете, как здоровье, как Майя³⁸?...

Я ездил путешествовать вместе с Ольгой, мы с ней расстались в Пекине, откуда она поехала обратно³⁹, а я потащился в Шанхай с тем, чтобы оттуда поехать вокруг Азии и не осилить маманди и жарницу, и бежать вслед жене через Сибирь⁴⁰.

Всего, всего хорошего Вам, Когда в Москву?
— приезжайте!... Из Китая я не писал Вам —
по глупым причинам, адреса не было под
руками, ерунда. Всего, всего хорошего Вам.
Ольга Сергеевна кланяется низко, в Москву
зовет. Напишите нам.

(30) Роза Абрамовна — жена Яна Берзина. (См. 31).

(31) Ян Антонович Берзин (Берзинь, парт. псевдоним Зиемелис — 1881-1938) — в 1926 г. полпред СССР в Австрии. Пильняк его встретил, наверное, впервые во время поездки в Лондон, которую он совершил совместно с писателем Николаем Никитиным в мае 1923 г.. Берзин был тогда заместителем полпреда Советского Союза.

(32) Неясно, о каких рассказах идет речь.

(33) Маманди — кит. язык, правильное «мань-мань-дэ». В *Китайской повести* Пильняк сам объясняет значение слова: «Маманди — значит по-китайски — погоди, не торопись, не спеши, значит русское — сейчас». И далее: «Маманди! — это “маманди” начинает мне казаться ядовитым, ядом Китая...». (КП, сс.9 и 47).

(34) Уже один сенсационный характер его посещения в этой стране сильно содействовал культурному сближению Советского Союза и Японии, как об этом говорит Д. Новомирский, референт по Дальнему Востоку ВОКС'а в докладе от 7 сентября 1927 г.: «его пребывание в Японии при всех известных недостатках Б. А. Пильняка имело, несомненно, положительное значение, так как дало возможность широким кругам культурного японского общества оживить и продемонстрировать свои симпатии к нашей культуре». (ГАРФ, Ф. 5283, оп. 4, ед. хр. 26, л. 62). Пильняку поручили подписать официальный договор с японским правительством об авторских правах советских писателей, издаваемых в Японии. Для подробной информации о деятельности Пильняка для сближения японско-советских связей во время и после его пребывания в Японии, см. D. Savelli, «Boris Pilniak : une figure essentielle des relations culturelles soviéto-japonaises (1926-1937)», *Ebisu*, 20, 1999, pp. 73-108.

В *Китайской повести* Пильняк упоминает о своем участии в создании китайско-русского литературно-художественного общества в Шанхае. (См. КП, сс. 30 и 46). Судя по тому, что он не намерен был оставаться так долго в Китае, его деятельность по сближению китайской и советской культур при посредстве Общества русско-китайской дружбы могла иметь лишь случайный характер. Письмо Ольги Каменевой от 9 декабря 1926 г. находящегося в Пекине дипломату А. Черных свидетельствует, что открытие Дома Общества русско-китайской дружбы в Шанхае имело спонтанный характер (во всяком случае в Москве об этом ничего не знали). Директор ВОКС'а О. Каменева пишет: «Писатель Б. Пильняк, посетивший недавно Китай, сообщает нам о том, что в Шанхае будто бы создалась инициативная группа, ставящая себе целью создание китайского общества сближения с СССР. Нам до сих пор не удалось проверить этот факт. Не известно ли Вам что-либо об этом?». (ГАРФ, Ф. 5283, оп. 4, ед. хр. 13, л. 3).

Разрушение коммуникаций между Москвой и Шанхаем из-за гражданской войны, разразившейся в этом городе, объясняет то, что ВОКС долго не был осведомлен о мерах, принятых сотрудниками консульства СССР в

Шанхае в области культуры. Д. Новомирский говорит в докладе 1927 г., используя, по-видимому, свидетельство Пильняка: «Летом прошлого года нам сообщили, что в Шанхае образовалась весьма значительная инициативная группа для образования общества культурного сближения с СССР. В виду возникших потом крупных событий не удалось получить более подробных сведений». (ГАРФ, Ф. 5283, оп. 4, ед. хр. 26, л. 6).

В письме от 12 июля 1926 г. японского консула в Шанхае министру Иностранных Дел, Сидехара Кидзиро:, упоминается о проекте Пильняка и некоего Горяновского создать в Шанхае советское издательство, которое бы занималось распространением книг на территории всего Дальнего Востока. Мы не знаем насколько на тот момент осуществление этого проекта было тогда возможно, но, кажется, он не был никогда доведен до конца, во всяком случае, с участием Пильняка. (См. Архив дипломатических и исторических документов Министерства иностранных дел Японии. Визовый и эмиграционный контроль... Раздел, касающийся русских граждан (Гайкокудзи ни таисуру рёкен сасё: нарабини сюцунюкоку... Рококу-но бу), vol. VI, 3.9.4.109-2-2, № 565).

(35) У Бориса Пильняка родного брата не было. Со стороны матери у него было много родственников, в том числе двоюродных братьев, но определить о каком именно из его братьев здесь идет речь, нам не удалось.

(36) Речь идет о бабушке Пильняка по материнской линии, Екатерине Ивановне Савиновой (урожд. Малининой: 1848-1917). В *Китайской повести* Пильняк не раз сопоставляет представление о России своей бабушки Екатерины с Китаем: «Из всех стран, мною виденных, Китай больше всего похож — на Россию, на заволжскую, моей русской бабушки Россию [...]» (КП, с. 28, см. также с. 9).

(37) Речь идет о публикации *Повести непогашенной луны*, написанной на смерть Фрунзе, Комиссара военных и морских дел, виновником которой, по слухам, был Сталин. Законченная в январе 1926 г., эта повесть была в том же месяце передана в редакцию *Нового мира*, которая ее опубликовала в майском номере, когда автор находился в Японии. Номер журнала был сразу запрещен и уничтожен. Дело в том, что между январем и маем, Сталин одержал победу на XIV Съезде КПСС, и повесть, которая поначалу казалась безобидной, стала восприниматься как провокативная (об этом см. V. Reck, *Boris Pilnyak, a Soviet writer in conflict with the state*, Montreal-London, Mc Gill-Queen's University Press, 1975, p. 49). В своем *mea culpa* от 25 ноября 1926 г., и опубликованном в *Новом мире* в январе 1927 г., Пильняк говорит, что он не осознавал «контр-революционного» характера повести, ни когда он ее сочинял, ни во время его пребывания за границей, где он «был оторван от СССР» (См. Б. Пильняк, «Письмо в редакцию», *Новый мир*, 1, 1927, с. 256). Возможно, что известие о скандале дошло лишь какое-то время спустя до сотрудников советского посольства и консульств, с которыми Пильняк постоянно общался в Японии. По крайней мере, в разных документах на японском языке, нами рассмотренных, речь об этом не идет. Исключение составляет донесение полиции от 3 августа 1926 г., основанное на сообщении Николая П. Матвеева (1866-1941), которое подтверждает тот факт, что слухи о скандале вокруг повести до самого Пильняка дошли лишь в Китае. Матвеев, русский продавец книг, живший в Японии и закупавший книги в Шанхае и Харбине, мог слышать там о возникших у Пильняка проблемах по возвращению в Советский Союз в связи с публикацией *Повести непогашенной*

луны (см.: Архив дипломатических и исторических документов Министерства иностранных дел Японии. Разные документы, касающиеся иностранных лиц под надзором. Раздел, касающийся русских граждан (Ёсисацу гайкокудзи-но кё:до: канкэй дзассан. Рококу-но бу), 431/2/6, vol. 18, № 14835).

(38) Майя — вероятно дочь Яна и Розы Березиных.

(39) После поездки в Японию Борис Пильняк и Ольга Щербиновская отправляются в Китай. В то время, как писатель задерживается там до августа, Щербиновская сразу возвращается в Москву через Сибирь. Причины расставания нам не известны. Вряд ли у актрисы были профессиональные мотивы для возвращения домой, поскольку до этого Пильняк и Щербиновская заявляли прессе о своем желании остаться даже целый год в Японии. Во всяком случае, имя Щербиновской не упоминается в программе Малого Театра, гастролировавшего летом 1926 г. по Советскому Союзу. (См. *Летний Сезон 1926 г.*, М., Изд. Малого Театра, 38 с.).

(40) В *Китайской повести* Пильняк говорит о своем намерении вернуться в Москву на пароходе через Индийский океан, Аден, Порт-Саид и Константинополь (См. *КП*, с. 19). Но парохода, которого ожидал Пильняк, долго не было, он решил вернуться на поезде через Сибирь. На самом деле, еще до отъезда на Дальний Восток предполагалось, что Пильняк, Щербиновская и Всеволод Иванов вернутся через Индию (См. *Информационный бюллетень ВОКС*, 3, 21 янв. 1926, с. 14; *Осака Майнити* и *Токио Нитинити*, 14 янв. 1926, с. 1; *Токио Асахи*, 2 март 1926, с. 7). 18 марта, на следующий день после своего приезда в Токио, Пильняк заявил: «Основная цель моей поездки — Япония. В Китае я буду только в Шанхае, чтобы сесть там на пароход и вернуться в Одессу». (*Ёмиури*, 18 март 1926, с. 3.)

*

Вернувшись в Москву, Пильняк продолжает поддерживать связи с японцами, в том числе с корреспондентами японской прессы, работавшими в Москве. Как доказывает ниже публикуемое письмо, адресованное Ида Ко:хэй, переводчику *Корней японского солнца*²⁰, Пильняк продолжает поддерживать одновременно профессиональные и дружеские отношения с некоторыми представителями японской интеллигенции, с которыми он познакомился в Японии. На том же листе, на котором Пильняк писал письмо, мы находим адресованные Ида Ко:хэй записки двух японских журналистов Курода и Ватанабэ, а также советских писателей Сергея Буданцева и Глеба Алексея, и еще приписки двух лиц (Н. Шильпаева и Г. Мотовилова), которых нам не удалось идентифицировать.

20. Пилиняку Б. [Б. Пильняк], *Нихон Инсёки. Нихон-но тайё: (Японские впечатления. Солнце Японии)*, Токио, Генсися, 1927, 190 с. Ида Ко:хэй, переводчик с Кодзима Дзюити книги, является также автором предисловия.

№ 6

Москва
20 апр. 927

Дорогой и Глубокоуважаемый Ида-сан⁴¹!

через несколько дней у нас Пасха, великий наш праздник, — а у Вас цветут вишни:

— С весной, с цветением вишни поздравляю Вас, дорогой Ида-сан!

Сегодня мы собрались у Курода-сан, провести вечер, поесть скияки⁴² и выпить рюмку русского саке: и мы будем пить за Вашего здоровья!

Дорогой Ида-сан! — с моей книгой о Японии получилась какая-то неувязка: я ее отослал Проф. Спальвину⁴³ еще в декабре месяце⁴⁴, — надеюсь, Вы получили ее от него.

Всего, всего хорошего Вам, низкий
поклон и от меня и от жены

Ваш друг Бор. Пильняк

(41) Ида Ко:хэй (1879-1935) — славист, приятель Курода Отокити. В 1920 г. он создал Харбинский Институт (Харубин гакуин), субсидированный Японско-русским обществом (Нитиро кё:кай). После того, как он уволился в 1924 г., он преподавал русский язык в Токио, затем в Нара. Пильняк его встречал несколько раз во время своего пребывания в Японии в 1926 г. (См. Муруяма М., *Нозоми о такуситэ Харубин гакуин то Ида ояко-но сёгай* (В надежде, что кто-нибудь сделает доброе дело, Харбинский Институт и жизнь Ида и его сына), Токио, Мусасино сёдо, 1984, с. 470).

(42) Скияки (японск.; правильное — сукияки): блюдо, состоящее из тонких слоев мяса, овощей и грибов.

(43) Евгений Генрихович Спальвин (1872-1933) — японовед. Профессор кафедры японской словесности Восточного института Владивостока. Имел дружеские отношения с японским писателем Футабатеи Симэй. С 1923 г. по 1931 г. — драгоман полпредства СССР в Японии, а также представитель ВОКС'а в Японии. Пильняк неоднократно ссылается на его мнения о Японии в *Корнях японского солнца* (См. *КЯП*, с. 36 и с. 41).

(44) Если верить дате в конце текста, Пильняк завершил работу над очерком *Корни японского солнца* 29 октября 1926 г. Книга вышла в конце мая 1927 г. Японский перевод вышел в ноябре того же года.